

жизнью, раскрываемой всегда на социальном фоне. В ролях Федры (Расина) и Эбби Кабот («Любовь под вязами» О'Нила) Коонен сыграла женщин, предельно охваченных преступной страстью, поскольку и там, и тут эта страсть была навеяна пасынком.

Одна и та же, казалось, тема, одна и та же женская судьба, но какая огромная разница в ковке образа, в его трактовке, в его словесной оправе, звучной и тонкой!

Одна и та же актриса, но что, на первый взгляд, общего между царницей в пурпурной мантии и крылатом шлеме и столь непосредственно живой «фермершей», живущей под старыми вязами?

Одни и те же чувства — и такое резко различное их проявление: изысканное, в певучих строфах у царницы и безыскусственно простое у крестьянки Эбби, лицо которой, одухотворенное страданием, решительно заставляло забывать о том, что это лицо актрисы.

И все-таки, несмотря на резкую разность двух героинь, их глубоко объединял накал страсти и в конце концов осознание преступности, что в случае с Эбби Кабот напоминает о прекрасных, нежных и страстных женщинах Достоевского, и остается лишь пожалеть, что Коонен не сыграла ни Настасьи Филипповны, ни Грушеньки.

Чуть ли не каждая роль Коонен — подлинная поэма, всегда глубоко самобытная, выстраданная, безукоризненная в своем художественном завершении.

В некоторых случаях сценическое творение Коонен — это история целой жизни. Знаменитый роман Флобера «Мадам Бовари», искусно инсценированный самой Алисой Георгиевной, прозвучал на сцене Камерного театра во всей своей глубине и мудрости, во всем своем безысходном трагизме. Несчастную мечтательную провинциалку Эмму актриса воплощала в плане все той же вы-

явлением наша мемуаристика да и литература вообще обогатились достоянием большой ценности.

Ценность мемуаров Коонен в том, что они написаны не регистратором событий, а чутким, наблюдательным и взволнованным мастером, умеющим облечь «милые призраки» в плоть и кровь; что они показывают театральную жизнь первой половины XX века во всем ее сложном разнообразии; что, помимо театра, они касаются и общекультурных вопросов и явлений; и что автор их наделен умением чувствовать жизнь не только Родины, но и зарубежья (Франции или некоторых стран Латинской Америки, где гастролировал Камерный театр).

Первое место в этих мемуарах занимают, совершенно естественно, те театры, в которых работала Коонен — Художественный, Свободный, Камерный, — но вместе с тем в них отражена в том или ином преломлении и вся тогдашняя «рампа»: Коонен-автору свойственно трудное мастерство обобщения.

К числу достоинств воспоминаний Коонен относится то, что такие театральные знаменитости, как, скажем, Станиславский или Качалов, уже десятки и десятки раз фигурировавшие в тех или иных мемуарах, освещены у нее по-своему, с упором на какие-то прежде неведомые особенности их человеческих и сценических образов.

Естественно, что с особой выразительностью зарисован и Александр Таиров, долгодетный друг и спутник Коонен.

Очень интересна глава, посвященная Леониду Андрееву — и не только по живости портрета, но и по новизне материала, который, несомненно, будет использован биографами этого ущербно-надломленного таланта.

Портрет Скрыбина, как он создан в мемуарах Коонен, можно, не преувеличивая, назвать классическим: с та-

Ник. СМЕРНОВ

ДВОЙНОЙ ВЕНОК АЛИСЫ КООНЕН

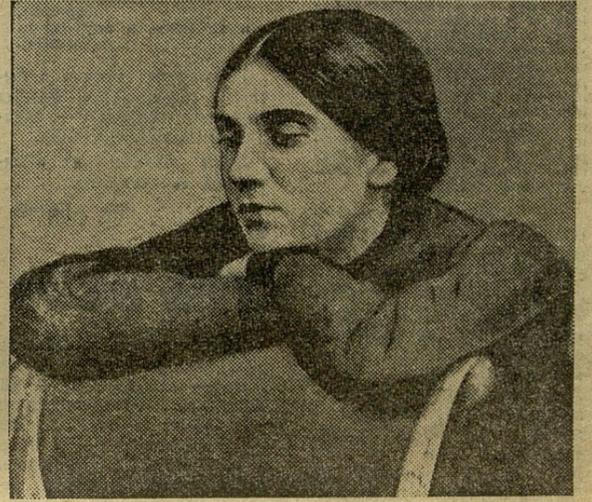
профиль артиста

Комиссар — «Оптимистическая трагедия».

Адриенна — «Адриенна Лекуврер».

Маша — «Живой труп».

НЕ ТАК ДАВНО театральная общественность Москвы тепло и сердечно отпраздновала восьмидесятилетие Алисы Георгиевны Коонен, замечательной русской актрисы, светлого и легкого имя которой неразрывно связано с Московским камерным театром.

Коонен вместе с режиссером-новатором Александром Таировым создала заслуженную славу этому театру. Его первая актриса, наделенная редчайшим даром сценического перевоплощения, она заставляла забывать об условности подмостков, создавая иллюзию подлинно живой жизни.

Высокие страсти человеческие, от любви и ревности до патриотической революционной миссии, нашли в сценических образах Коонен безупречно художественное воплощение и толкование.

Предельная эмоциональность, отсутствие всяческих внешних эффектов и украшений, кровь, душа и сердце, чувствуемые в каждом слове, пронзительные с непередаваемым органическим изяществом, — основные черты Алисы Коонен, актрисы большого и широкого разнообразия.

Воспитанная в традициях Художественного театра, где она в молодости начинала свой творческий путь в ролях Митиль («Синяя птица» Метерлинка) и пыганки Маши («Живой труп» Л. Н. Толстого), Коонен далека от всякой скованности в каких бы то ни было канонах: она актриса постоянных и самостоятельных, новаторски разумных поисков и находок.

Магия перевоплощения приводила актрису и к той чудесной внутренней слиянности с зрительным залом, которая устанавливалась у нее сразу же по выходе на сцену.

И когда в последнем акте «Адриенны Лекуврер», сопровождаемом тихой печальной музыкой, актриса оставалась наедине с зрителями в течение примерно сорока минут, в зале стояла напряженная, нерушимая тишина...

«Адриенна Лекуврер», написанная Скрибом для Рашели, — одна из «коронных» ролей Коонен. Здесь забываемое все: и мастерство режиссера, переносимое зрителем во Францию середины XVIII века, в галантный быт, и острота интриги — борьба двух соперниц, закончившаяся посылкой отравленных цветов Адриенне, и прежде всего сама Адриенна — Коонен как безупречное выражение обаятельной женственности, жертвенной любви и ожесточенного страдания.

Панорама сценических образов, созданных Коонен, богата и чрезвычайно разнообразна, и каждый из них живет своей неповторимой индивидуальной душевной

сокой трагедии, что нисколько не противоречило сущности социально заостренного романа Флобера, а, наоборот, доказывало, что он был прочитан Алисой Георгиевной с настоящей пылкостью ума и сердца.

Среди наивысших творческих достижений Коонен — роль Комиссара в «Оптимистической трагедии» Всеволода Вишневского.

Матросские бескозырки и бушлаты, винтовочные залпы, пороховой дым — до чего же все это было непохоже на прежние постановки Камерного театра, но как убеждало своей художественной правдой, раскрытой Таировым и Вишневским с такой волнующей силой!

Великоленному успеху «Оптимистической» в большой степени способствовала, конечно, и Алиса Коонен, показавшаяся, на первый взгляд, незнакомой и непривычной: вместо восточно-изысканных тканей и пурпурного бархата — кожаная куртка с португальей, вместо напевных, древнетрагических стихов — краткий боевой приказ, вместо усталой походки Адриенны и страдальческих глаз Эммы Бовари, похожих на ледяные глаза смерти, — чеканный шаг воина и пламенный взгляд Комиссара, призванного спаять матросскую волиницу железом дисциплины.

Но какая трогательная нежность мерцала порой в этих, казалось бы, беспощадных глазах, какая ласковость слышалась в голосе, то и дело зовущем в бой, и какая воистину священная убежденность в идейной правоте пронизывала весь этот накаленно-волевой и глубоко поэтический женский образ легендарного Комиссара.

Алиса Коонен останется в истории нашей культуры как неповторимая трагическая актриса XX века.

Истинно творческие натуры обычно не испытывают бремени лет: оно ослабляется и утешается вечной, неисчерпаемой и неистощаемой молодостью души.

Коонен в полной мере сохранила одно из самых драгоценных человеческих достояний — память, и когда слушаешь ее рассказы о прошлом, то поражаешься не только обилию точных и достоверных фактов, но и тому поразительному мастерству, с каким она одухотворяет их, будто выращивая на глазах цветки из зерна.

Сочетание памяти, ясной и чистой, как кристалл, и словесного художественного мастерства высокой чеканки помогло Алисе Георгиевне создать замечательные мемуары. Воспоминания Коонен («Страницы из жизни»), печатавшиеся в журнале «Театр» в 1965—1969 годах, доведены пока до 1941 года, но уже и сейчас они с полным правом позволяют сказать, что с их

ким многосторонне разнообразным Скрыбиным мы еще не встречались в литературе.

Более бегло обрисован Рахманинов — актриса не была близко знакома с ним, — но и он наделен такими чертами, которые в чем-то дополняют и уточняют его прекрасный образ.

В мемуарах, написанных отличным русским языком, напоминающим то морозные узоры на стекле, то серебристую эмаль, много подлинной поэзии, сказывающейся и в описании театра как своеобразного храма, и в пейзажах Москвы, полных свежести, звонкости и блеска.

Жизнь увенчала Алису Коонен двойным венком — актрисы и писательницы.

Писательница пробудилась в ней только в последние годы, а ее высокий сценический талант прошел через всю ее сознательную жизнь. Он не угасает и сейчас: стихи Пушкина и Блока в исполнении Коонен, звучащие по радио или телевидению, поистине очаровывают слушателя. Когда же на недавнем чествовании актриса читала монолог Федры, басню Лафонтена о двух голубках из «Адриенны Лекуврер», отрывок из «Оптимистической», на наших глазах вершилось настоящее чудо: раздался вдруг все тот же незабываемый, вызолоченный голос, голос молодости, любви, страсти, нежности, и как бы не подвластное времени, возникло помолодевшее, одухотворенное лицо актрисы-подвижницы, и началась магия несравненного мастерства с его волшебной простотой в выявлении сокровенных человеческих чувств.

Квартира Алисы Георгиевны несколько напоминает музей: пожелтевшие афиши Камерного театра в год его открытия, портреты актрисы и Таирова полувековой давности, как бы овеянные романтической дымкой, старые альбомы, памятные книги с автографами знаменитостей сцены и литературы, перламутровые цыганки с письмами зрителей, давние, иссохшие, но все еще как бы ароматные цветы...

Отдельно от всех других вещей хранится таинственный сафьяновый футляр, в котором лежит роскошный пушистый веер из страусовых перьев. Этот веер, принадлежавший когда-то М. Н. Ермоловой, перешел потом к А. А. Яблочкиной, а Яблочкина подарила его А. Г. Коонен как принадлежащий ей по праву сценического наследования.

Поклонимся же Алисе Георгиевне Коонен признательным поклоном за ту радость, которой она одарила зрителей, и пожелаем поскорее закончить и выпустить в свет мемуары — на радость читателям.